

**Немирович-Данченко Василий
Иванович**

Семья богатырей

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
В19

В19 **Василий Иванович Н.**
Семья богатырей / Немирович-Данченко Василий Иванович – М.: Книга
по Требованию, 2022. – 522 с.

ISBN 978-5-519-99124-7

ISBN 978-5-519-99124-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

орскій совѣтъ. Скажетъ что-нибудь и сейчасъ на жену взглянетъ: такъ ли, дескать? И она его тоже безъ церемоніи обрываетъ — видимое дѣло, начальство. Вотъ тебѣ и Индія съ Китаемъ. Нѣтъ, другъ мой, теперь тебѣ не то что въ Африку, но изъ одиннадцатой линіи Васильевскаго острова въ двѣнадцатую не подняться разомъ. Еще одинъ орелъ въ курятникѣ. А вѣдь дѣйствительно орелъ былъ настоящій: въ Чекментѣ раньше меня вскочилъ на стѣну, изъ-подъ самага носа георгіевскій крестъ выхватилъ. А въ Хаджибаѣ втроемъ ворвался въ ворота города, занятаго бритоголовою сволочью. Если бы не выручили уральцы, не глядѣлъ бы теперь въ глазенки своей Машѣ. А на тигровъ ходилъ какъ! Одинъ на одинъ... Э, чортъ, да неужели всѣ мы такъ кончимъ? Семья, дѣти, мурья своя противная, жизнь по расписанію... Обѣдъ во-время, халатъ и туфли — и конецъ всему. Ну, нѣтъ, на это меня не поддѣнешь. Отъ любви этой прочь, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше».

И передъ нимъ, словно въ туманѣ, блеснули грустные глаза, такъ ласково свѣтившіе ему когда-то. Казалось, къ нему наклонилась бѣлокурая головка, почудилось даже ея дыханіе. Анисимовъ приподнялъ было лицо изъ воротника, но мокрые хлопья снѣга тотчасъ же засыпали его.

— Эта была опасна, да умереть догадалась. И хорошо! — убѣждалъ онъ себя, хотя сердце защемило и заболѣло. — Съ ума я сходилъ тогда — а все къ лучшему вышло. Тотъ же хомутъ былъ бы, что у Порожнева, либо вѣчныя драматическія представленія. Теперь весь міръ открытъ — все мое!

— Да скоро ли ты, наконецъ, доѣдешь?! — крикнулъ онъ, выйдя изъ себя, и извозчикъ тотчасъ же

заторопился и задержалъ вѣжками. — Будетъ — поверни хоть сюда, — указалъ онъ на ярко освѣщенный подъѣздъ моднаго ресторана.

«Тутъ навѣрное есть кто-нибудь изъ нашихъ. Одному теперь несносно дома», соображалъ онъ, плачиваясь и идя по мокрымъ ступенямъ.

— Баратынскій или Ладиславлевъ здѣсь?

— Недавно пожаловали. Наверху-съ, ваше превосходительство! — торопливо закончилъ швейцаръ, замѣтивъ генеральскіе погоны, когда Анисимовъ ему на руки сбросилъ свою шинель.

— Они одни?

— Никакъ нѣтъ-съ, цѣлою компаніей и съ дамами.

Сергѣй Николаевичъ поморщился и остановился: идти ли ему, или вернуться домой?

— Какія дамы? — брезгливо спросилъ онъ.

— Актрисы. Одна даже-съ изъ цыганскихъ пѣсенъ, — авторитетно подтвердилъ швейцаръ не безъ нѣкоторой гордости.

— Какія это еще пѣсни?

— Которыя въ лицахъ... Лѣтомъ-съ повсемѣстно. Помилюйте, ваше превосходительство, во всѣхъ газетахъ даже. Графъ приказали непременно кабинетъ съ роялюю.

— Дай-ка мнѣ шинель, братецъ! — рѣшилъ было Анисимовъ; но въ эту минуту, какъ нарочно, наверху, на площадкѣ лѣстницы, показался молодой еще полковникъ съ вензелемъ на погонахъ.

— Анисимовъ! А я посылалъ къ тебѣ. Куда ты это? Пожалуйста, къ намъ. Свои собрались — Бухгольцъ сегодня камергерскій ключъ спрыскиваетъ. — И онъ торопливо бѣжалъ внизъ. — Ей-ей, не пуцую —

это ужъ какъ ты хочешь. Да они со мною и не знаю что сдѣлають, если ты уѣдешь.

— Вѣдь у васъ тамъ опять безобразіе будетъ, дамы эти — и зачѣмъ ихъ только за собой таскаете, чортъ знаетъ!

— Ну, не ворчи. Началъ проповѣдь. Напротивъ, всѣ онѣ приличныя. Одна артистка — въ садахъ, правда, поетъ, но она за прокуроромъ была замужемъ, а другая — да вотъ увидишь самъ. Послушай-ка, какъ она «Ночи безумныя, ночи безсонныя»... толстый Бухмановъ иначе, какъ на колѣняхъ, и не слушаетъ. Ну, полно хмуриться, пойдемъ.

Анисимовъ опять отдалъ шинель швейцару и поднялся наверхъ. Мимо летѣлъ со всѣхъ ногъ татаринъ съ судками и бутылками. Гдѣ-то слышался звонъ разбитой посуды, изъ одного кабинета вырвались звуки клавишей и пронзительный голосъ, спяна напѣвавшій: «Веревьюшки-вьюшки-вьюшки — изъ сафьяна башмачки». Навстрѣчу попалась какая-то дама, старательно кутавшая лицо въ двойной вуали, и необыкновенно самодовольный юноша за нею изъ купеческихъ подсосковъ, судя по упитанному виду и лѣнивымъ движеніямъ. За дверью, мимо которой шли они теперь, точно топталось цѣлое стадо.

— Терпѣть этихъ кабаковъ не могу! — морщился Сергѣй Николаевичъ.

— Тамъ умора. Чиновники пляшутъ безъ музыки... Во фракахъ! Я одного за лакея принялъ, но онъ мнѣ сейчасъ же резонно объяснилъ, что состоитъ въ званіи надворнаго совѣтника и кавалера. Анну на шею показалъ. Вотъ и наши.

Анисимова точно оглушило.

— А, Сергѣй Николаевичъ!

— Генераль!

— Вотъ неожиданно-то!

Къ нему тянулись со всѣхъ сторонъ, обступили его и тормошили.

— Я и не зналъ, что вы въ Петербургѣ, — радовался толстый баринъ съ апоплектической шеей и круглой головой, на которой сидѣли совсѣмъ по-рачьи выпученные и изумленные глаза.

— Радъ васъ видѣть, — Бухмановъ.

— А я-то! — И онъ попытался заключить Анисимова въ свои широкія объятія... — «Въ Ташкентъ онъ сосланъ былъ — вернулся генераломъ!..» И нисколько не постарѣлъ. Такой же точно, только выраженіе лица — соотвѣтственное чину и званію бригаднаго. Ну, бѣда нашимъ дамамъ. Когда вы пріѣхали?

— Третьяго дня.

— Не представлялись?

Сергій Николаевичъ нахмурился. Тѣнь пробѣжала по его лицу.

— Нѣтъ еще. Приказано послѣзавтра.

— Чего ты это? — спросилъ его флигель-адъютантъ.

— Да знаешь самъ, — досадливо проговорилъ онъ, пожимая плечами. — Хорошаго вѣдь ничего не жду. Здѣсь не мѣсто рассказывать. На меня гроза идетъ. — И онъ понизилъ голосъ. — За то, что я имъ цѣлый край подарилъ да на восемь милліоновъ экономіи сдѣлалъ. Все ваши фазаны мутятъ. Прислали ихъ ко мнѣ за георгіевскими крестами, — ну, да ты меня вѣдь знаешь. Даромъ не дамъ — а благородные лбы-то подъ пули подставлять не хочется, и вернулись, какъ говорятъ мои солдаты, «несолоно хлебавши». Съ этого и пошло. Теперь у меня только одни враги. Какъ доложить еще. Да мнѣ, впрочемъ, что же. У брата до со-

рока фабрикъ и заводовъ — найду себѣ дѣло. Въ земствѣ тоже нужны силы.

— Господа! Что вы тамъ шепчетесь?—позвалъ ихъ, весь сіявшій радостнымъ оживленіемъ, Бухгольцъ.

— Баратынскій, ты бы его представилъ дамамъ.

Только теперь Анисимовъ обратилъ вниманіе на окружающее.

Довольно просторный кабинетъ былъ залитъ яркимъ свѣтомъ газа и горѣвшихъ въ канделабрахъ свѣчей. На большомъ кругломъ столѣ сверкалъ хрусталь бокаловъ, крушоновъ и графиновъ, серебро набитыхъ льдомъ посудинъ для шампанскаго, блестяль фарфоръ дорогихъ сервизовъ, очевидно, поданныхъ «по особому заказу». На обитыхъ темно-малиновою шелковою матеріею стѣнахъ сіяли яркія рамы, изъ которыхъ въ одно и то же время и наивно и безстыже на всю эту кабацкую роскошь смотрѣли нимфы Нефа, русалки Маковского, воспроизведенныя спеціально для такихъ заведеній олеографіей. Бронза канделябръ горѣла какъ золото. Газъ шипѣлъ и вздрагивалъ, нагрѣвая комнату и придавая какое-то возбужденное выраженіе лицамъ сидѣвшихъ здѣсь «гостей». Онъ отражался и на погонахъ, и на брильянтахъ серегъ и брошекъ, и на золотистомъ атласѣ какой-то смуглой брюнетки, къ которой Баратынскій тотчасъ же подвелъ Анисимова. Та встрѣтила его ласково-вызывающимъ взглядомъ, которому недоставало только одной черточки, чтобы стать наглымъ. Она была замѣчательно хороша собою. Черныя косы ея, небрежно свитыя позади, поддерживались большою булавкою въ видѣ золотой шпаги, вся рукоятъ которой была осыпана крупными рубинами. Такіе же рубины горѣли и въ ея тонкихъ, прозрачныхъ ушахъ, точно алыя

капли только что проступившей крови. Изъ-подъ изящныхъ черныхъ бровей, казалось, не смущаясь, на все смотрѣли большіе черные глаза, то холодно и остро, то млѣя нѣгой, то какъ-то тускло и глубоко, точно въ эти мгновенія взглядъ ихъ уходилъ впередъ, ничего не видя передъ собою. Тонкій носикъ съ едва замѣтно шевелившимися нервными ноздрями надъ смѣлымъ и нѣсколько большимъ ртомъ, и крѣпкими бѣлыми зубами, даже крупная родинка на подбородкѣ не безобразила этого лица, напротивъ, придавала ему особенную заманчивую оригинальность, вмѣстѣ съ низко завивавшимися у висковъ волосками. Ни брошекъ ни брильянтовыхъ пряжекъ, горѣвшихъ на другихъ дамахъ, не было на ней. Желтое атласное, дерзко вырѣзанное, платье двумя тонкими проймами огибало полныя и круглыя плечи, точно отбѣгая на ихъ чудной бѣлизнѣ легкій румянецъ, вызванный теплотою кабинета. Рядомъ было брошено бѣлое атласное, отбѣланное лебяжьимъ пухомъ, *sortie-de-bal*, на голубой атласной же подкладкѣ. Платье было скроено просто. Оно, казалось, давало только цвѣтъ этому безукоризненно сложенному тѣлу, ничего не отнимая у его прекрасныхъ линий. Какъ ни былъ скверно настроенъ Анисимовъ, но оригинальная красота этой смуглой женщины и на него подѣйствовала, что не прошло незамѣченнымъ. По крайней мѣрѣ, у нея на мгновеніе мелькнуло въ глазахъ выраженіе удовлетвореннаго тщеславія, но тотчасъ же потухло. Она даже отвернулась, точно показывая, что послѣ произведеннаго ею впечатлѣнія Анисимовъ потерялъ для нея всякій интересъ. Онъ это увидѣлъ, понялъ и зло закусылъ губу.

— Софья Васильевна! позвольте вамъ представить...

Она говорила съ сосѣдомъ, притворяясь, что не слышитъ. Только ноздри затрепетали, да уши раскраснѣлись у нея.

— Софья Васильевна!.. — громко произнесъ Баратынскій. — Анисимовъ... покоритель сердецъ и народовъ...

— А, очень рада. — И она смѣрила Сергѣя Николаевича такимъ взглядомъ, который ясно обозначалъ: «Ну, меня-то ты не покоришь».

Анисимовъ такъ это и понялъ и еще пуще нахмурился.

— Софья Васильевна Нѣжина, наша несравненная... — продолжалъ полковникъ.

— Изъ «цыганскихъ пѣсенъ»? — спокойно переспросилъ Анисимовъ.

— Что? — точно подъ ударомъ хлыста обернулась къ нему красавица.

— Это внизу... — еще спокойнѣе улыбался Анисимовъ, — швейцаръ мнѣ рекомендовалъ, что здѣсь дамы не простыя, а изъ «цыганскихъ пѣсенъ».

Нѣжина въ упоръ подняла на него взглядъ, загорѣвшійся и негодованіемъ и вызовомъ, но — увы! — ей пришлось опустить его передъ холоднымъ блескомъ этихъ стальныхъ глазъ, смотрѣвшихъ на нее не то съ любопытствомъ, не то съ пренебреженіемъ. Она даже до того растерялась, бѣдная, что поднялась, пересѣла на кресло рядомъ и уже робко проговорила:

— Садитесь сюда, ко мнѣ.

Онъ съ недоумѣніемъ оглянулся еще разъ и сѣлъ.

— Вы такой странный... — точно оправдывалась она.

— Почему это?..

— Непохожій... — еще болѣе терялась Нѣжина.

— На нихъ? — обвелъ онъ глазами пріятелей.

— Да! — И она пристально начала разсматривать это, очевидно, подъ южнымъ солнцемъ потемнѣвшее, лицо съ рѣзкими чертами, выражавшими какое-то презрѣніе ко всему или равнодушіе, трудно было понять, и — въ то же время — рѣшительно и самоувѣренно.

— Немудрено, я «не здѣшній», какъ говорятъ у насъ. Я только что пріѣхалъ.

— Да? И, повидимому, скучаете?

— А развѣ есть чему веселиться? Мало интереснаго!

— Неужели мало? — И она обдала его многообѣщающимъ и покорнымъ взглядомъ.

«Ручная стала», подумалъ Анисимовъ, ничего ей не отвѣчая.

— Неужели такъ-таки ничего у насъ, въ Петербургѣ? — еще разъ переспросила она.

— Нѣтъ, какъ не быть интересному, только, разумѣется, не здѣсь, въ этихъ «кабинетахъ», — безъ всякаго намѣренія подчеркнулъ онъ. — Это все старое, давно извѣстное, отъ чего я когда-то въ глушь ушелъ.

И онъ тотчасъ же вспыхнулъ и замолчалъ. Ему досадно стало, что онъ такъ некстати разоткровенничался съ этою дамой изъ «цыганскихъ пѣсень».

— Однако вы не любезны, — заискивающимъ тономъ проговорила она. — Я первый разъ такого вижу. — И она опять начала злиться. — Разумѣется, вы тамъ, у себя, отвыкли отъ общества. Все съ солдатами! Ну, и усвоили себѣ дурныя манеры. Хорошо, что другіе на васъ не похожи, а то...

— Пришлось бы порядочно женщиной сдѣлаться? Не трудитесь, не совѣтую. Тѣ еще скучнѣе и хуже.

— Послушайте! Что вы такое?.. — даже вспыхнула она. — Вы говорите дерзости, за которыя ударить мало.

— Напрасно не ударите. Мнѣ кажется, я способенъ даже полюбить женщину, которая бы меня ударила. Вотъ ныть да киснуть — на это наши дамы большія мастерицы.

— Дождетесь! — тихо и зло уже проговорила та. — И бить васъ, генералъ, будутъ.

— Попробуйте.

— Что за глупости!

И, недовольная больше собою, чѣмъ своимъ собесѣдникомъ, она встала и перешла на другой конецъ кабинета, откуда на нее давно уже ревниво глядѣлъ Бухмановъ. Анисимовъ спокойно скользнулъ взглядомъ по ея красивымъ, словно точенымъ, рукамъ и тонкому стану и пожалъ плечами.

«Стоило вымещать свое раздраженіе на этой!» думалъ онъ.

И ему стало еще скучнѣе. Онъ обернулся къ сосѣду справа и спросилъ его:

— Кто это сидитъ въ углу съ Ладиславлевымъ?

— Это... Женечка.

Анисимовъ усмѣхнулся.

— Женечка? Въ одномъ имени все социальное положеніе!

— Нѣтъ. Она, знаете, поетъ... Тамъ гдѣ-то... Въ опереткѣ, разумѣется, и не безъ шика. Ей покровительствуетъ вашъ другъ Баратынскій. Онъ увѣряетъ, что она похожа очень на графиню Дубельскую. А онъ вѣдь въ нее влюбленъ былъ, знаете. Я тоже нахожу. Она очень мила и, сравнительно, недорого ему стоитъ. А эта за столомъ — Фанни изъ «старой гвардіи». Она когда-то была звѣздой первой величины въ театрѣ Буффъ. Помните, противъ Александринскаго театра стоялъ?

— О, да я ее знаю.

— Полагаю! — улыбнулся молодой человекъ.

— И постарѣла же она. Какъ накрашена!

— Это у нея все равно, что мундиръ. Теперь держитъ меблированныя квартиры, гдѣ, между прочимъ живетъ и Женечка.

— Очень ужъ мила эта, какъ вы ее называете Женечка.

— Ее такъ весь Петербургъ зоветъ.

— Удивительное выраженіе чистоты на ея лицѣ. Вы мурильевскихъ мадоннъ видали?

— Какъ же, и въ музеѣ Прадо и въ Севильѣ.

— Ну, вотъ. Помните тамъ «*La Conception purissima...*» эту наивную дѣвочку, что несется, сопровождаемая ангелами, въ эфиръ? Всмотритесь только въ Женечку... Можно подумать, что Мурильо писалъ съ нея. Не правда ли?

— А вѣдь, пожалуй, это и такъ. Какъ мнѣ не приходило въ голову раньше!

— Я, видите ли, ежедневно, по цѣлымъ часамъ простаивалъ когда-то передъ этою картиной. Для меня Мурильо... впрочемъ, что же мы это... самый подходящий разговоръ въ *cabinet-à-part*!

Анисимовъ засмѣялся и, вставъ, перешелъ къ Баратынскому.

— Я, знаешь, могу тебя поздравить съ выборомъ. Твоя Женечка — такая прелесть.

— Правда? — просіялъ тотъ. — Ты замѣтилъ, какъ она на *Hélène Дубельскую* похожа?

— На мурильевскую мадонну больше. Даже странно ее видѣть здѣсь... съ вами! — откровенно закончилъ онъ. — Ей бы не тутъ быть, а въ мастерской влюбленнаго художника.